

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучая историю православного прихода в XVIII–начале XX в., мы имеем дело с разнообразными, различными по скорости протекания процессами становления и развития религиозной жизни, находящимися под ощутимым воздействием социально-экономических, этнических, общественно-политических и множества других факторов. Все эти процессы в значительной мере противоречили друг другу. Во-первых, сила традиций сталкивалась с мощью государственного аппарата. Во-вторых, устоявшаяся этническая культура впитывала в себя православные нормы и ценности, в значительной мере трансформируя их. В-третьих, консервативная сельская приходская жизнь испытывала влияние города, который раз и навсегда менял закосневшие порядки, внося в деревенскую жизнь новые, но далеко не всегда позитивные черты. На рубеже XIX и XX в. возросло политическое значение конфессионального фактора, но одновременно усиливался религиозный индифферентизм³⁹⁴. Все эти процессы, то протекая независимо друг от друга, то переплетаясь, ускорялись, замедлялись, в значительной мере обуславливая специфику приходской жизни.

Результаты предпринятого мною исследования показывают, что приход как одна из форм организации религиозной жизни проявил способность к существенным изменениям, эволюции своих основных организационных структур. При этом законодательная регламентация внутренних порядков конфессиональных общин стала ощутима в Карелии к началу XVIII в. Прежде всего она коснулась храмов, которые часто горели и постоянно нуждались в восстановлении и ремонте. В XVIII в. законодательство впервые в российской истории подробно определило тот минимум церковного имущества, без которого церковь не могла быть освящена, и сформулировало гарантии обеспечения клира. Но воздействие законодательных ограничений смягчалось в связи с постоянной потребностью в строительстве церквей, остро ощущаемой местной духовной властью и прихожанами. К уступкам в ответ на требования верующих епископа подталкивала

---

³⁹⁴ Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 116.

мысль об огромных расстояниях между приходскими селениями и храмом, наличие сильных позиций у старообрядцев. Реальность корректировала законодательные нормы, вынуждая епископа и Синод соглашаться с теми условиями, которые выдвигали прихожане. Это создавало почву для консерватизма в религиозной сфере: в своей основе традиционные нормы приходской жизни в XVIII в. смогли остаться неизменными.

В XIX в. проявились ощутимые признаки распада традиционных норм приходской жизни. В частности, возрастающую роль в организации строительства церквей начинает играть местное купечество. Единоличные решения о порядке строительства церквей, из самых лучших побуждений принимаемые исключительно представителями торгового сословия, отодвигали приходское сообщество на второй план. Не у дел оказалась и консистория: принимая решение о строительстве и выделяя на богоугодное дело определенную сумму денег, купец ставил консисторию перед фактом, с которым она во имя строительства нового храма не могла не примириться. Такой порядок возведения церквей имел существенные психологические последствия. Отныне освященная веками традиция строительства приходской церкви за мирской «щет» уходила в прошлое. Следовательно, постепенно исчезало представление о церкви как о «мирском» строении, ответственность за которое целиком возлагается на крестьянскую общину. Не менее важно и другое. Совместная деятельность, связанная со строительством храма, укрепляла внутренние связи в приходе, позволяла священнику, опираясь на приходской актив («зачинщиков» строительства), выявлять и переубеждать колеблющихся между господствующей церковью и старообрядческим вероучением прихожан. Известны и другие варианты развития событий. В некоторых случаях прихожане демонстрировали полное равнодушие к возведенной за купеческий счет церкви, не без оснований полагая, что ее сооружение связано с удовлетворением личных амбиций, а не с благочестием коммерсанта.

Аналогичные особенности прослеживаются и в другой важнейшей сфере воспроизводства традиционного уклада приходской жизни — формировании клира. В Олонецкой епархии, как и повсюду в России, в основу подбора церковников в XV–XVII в. (на протяжении всего доступного для изучения периода) был положен выборный принцип. Но ситуацию, сложившуюся в Карелии к концу XVIII в., можно без преувеличения назвать уникальной, резко отличающейся от положения на соседних территориях. Специфика обуславливалась тремя факторами. Во-первых, отсутствием значительной

прослойки образованных (закончивших семинарию) церковников. Епископ не имел возможности назначать более подготовленных церковников вместо тех, которых избирали прихожане. Во-вторых, владыка не мог надеяться на безразличие прихожан к проблемам подбора священно- и церковнослужителей. Крестьяне решительно отвергали неугодных им кандидатов, ссылаясь на нормы Духовного регламента и освященную веками традицию. В-третьих, архиерей не мог запретить крестьянам обращаться с жалобами в Синод. К середине XVIII в. обращение в высшие (петербургские) инстанции стало привычным делом для олонечских крестьян. На рубеже XVIII и XIX в. выборный порядок при подборе кандидатов на священно- и церковнослужительские должности был ликвидирован. Парадоксальным образом он возродился в годы советской власти, когда прихожане получили формальное право нанимать церковников.

В XIX в. назначение на должность и перевод представителей духовенства на новое место службы становятся прерогативой епископа. Решение кадровых вопросов административными методами совершенно не соответствовало главному предназначению церковника-душепастыря. Но, кроме того, это решение шло вразрез с традиционным порядком приходской жизни, в соответствии с которым решающее слово в подборе церковников оставалось за прихожанами. Длительный опыт борьбы за свои права в вопросе о формировании клира позволял прихожанам успешно противостоять административному произволу. Приходские традиции обеспечения духовенства ставили церковника в зависимое от прихода положение, вынуждая его обращаться к прихожанам за ругой, дополнительным земельным участком, «доброхотным подаванием», поддержкой при строительстве дома для причта.

В конечном итоге вопрос о формировании причтов был решен своеобразным половинчатым методом. Епископ сохранял право подбора священно- и церковнослужителей. Однако правом отказа духовенству или, проще говоря, изгнания церковников из приходов в полной мере обладали прихожане. Сама процедура перемены духовенства была предельно упрощена, и особых аргументов в пользу своего решения прихожане могли не приводить. Подводя своеобразный итог всем принятым мерам, Олонечская духовная консистория в начале XX в. подготовила собственный «Отзыв» о церковной реформе, в котором предусматривалось избрание духовенства на собрании прихожан. Аналогичные закономерности прослеживаются и в функционировании структур власти приходской общины в течение всего доступного для изучения периода. Одной из основных забот прихожан являлось

обеспечение церкви всем необходимым. Имущество приходской церкви на протяжении всего периода существования православия в Карелии складывалось из «доброхотных» пожертвований от прихожан. Впоследствии крестьяне, несмотря на некоторые ограничения их прав в XIX–начале XX в., сохраняли права как на распоряжение церковной казной, так и на использование самого здания храма. Не исчезла, например, практика выдачи денег в займы из церковной казны или обсуждение мирских проблем в церковных трапезах, известные по историческим исследованиям, посвященным XVII в.

Порядок предоставления духовенству средств к существованию был сходен с традициями, сохраняющимися в обеспечении храма. Этот порядок не подвергся значительным изменениям на протяжении ряда столетий (с XV по начало XX в.). Немногочисленные новшества: введение в 1865 г. фиксированной платы за требы и наделение землей в ходе генерального межевания «ругой не удовлетворенных» причтов, установление постоянно повышающегося государственного жалования священно- и церковнослужителям в ходе реформы прихода, проведенной в 1860-х г., не улучшили сколько-нибудь существенным образом материальное положение духовенства. Такие проблемы, как размеры руги, сроки ее предоставления, порядок сбора причитающихся духовенству сумм, оставались вне поля зрения законодателей. Следствием этого стал контроль прихожан над духовенством, нашедший свое выражение в решении повседневных вопросов обеспечения церковников.

Нет сомнений в том, что зависимость духовенства от прихожан сохранялась на протяжении всего периода существования приходов в Олонецкой епархии. Но есть и другая – противоположная – сторона этой зависимости. Законодательство XVII–начала XX в. наделило духовенство широкими полномочиями, связанными с контролем над личной жизнью прихожан. В условиях того времени исповедь и отпевание, «брачный обыск» (установление факта «плотского» и духовного родства между вступающими в брак), даже крещение и имянаречение приобретали новый смысл, отличный от собственно богослужебного. Влияние церковника в приходе становилось все ощутимее. Но это влияние прирастало не за счет духовного авторитета душепастыря, а за счет закрепления за клириками контрольных функций. Неизбежно возникающее в такой ситуации противоречие между зависимостью священно- и церковнослужителей от прихожан в материальных вопросах, с одной стороны, и зависимостью паствы от клира, ощущимой при исполнении «мирских треб», с другой стороны, приводило к конфликтам, сотрясавшим православные приходы Олонецкой епархии

до того момента, когда все названные полномочия клириков были ликвидированы (т.е. до 1917 г.).

В богослужбной сфере существенной чертой традиционного уклада приходской жизни стало полное игнорирование этнического состава населения Олонецкой епархии. Языковой барьер между священниками и прихожанами оставался на протяжении многих веков заметным фактором, влияющим на практику требоисполнения. В материалах делопроизводства церковных органов власти крайне редко встречаются упоминания о священно- и церковнослужителях, владеющих языком местного населения. Этот фактор не учитывался и при подборе кандидатов на должности в составе клира. Владевшие карельским языком церковники не могли в полной мере реализовать свои познания, поскольку не имели необходимой богослужбной литературы на карельском языке. Лишь в XIX в. начинается поиск вариантов, способов и возможностей перевода Евангелия на карельский язык, подготовка преподавателей, включение карельского языка в число предметов, обучение которым велось в духовных училищах и в Олонецкой духовной семинарии. Важно отметить тот факт, что местные духовные власти, а также некоторые олонецкие священники вполне осознавали необходимость изучения и использования в профессиональной деятельности карельского языка. Однако и те и другие были настолько поглощены сиюминутными житейскими проблемами, организацией требоисполнения, что перевод текстов Священного Писания на карельский язык начался лишь в 1820-е гг. и осуществлялся добровольно усилиями энтузиастов-одиночек. К концу XIX в. духовные власти Олонецкой епархии разработали собственный способ решения проблемы языкового барьера — административный нажим на священников с целью «понуждения» их к изучению карельского языка.

Традиционный уклад приходской жизни в значительной мере базировался на государственной поддержке усилий священников по искоренению старообрядческого влияния. При этом в основу государственной поддержки борьбы с «суеверием» были положены репрессивные меры, деятельность полицейского аппарата, а не церковно-просветительная работа. В течение XVIII—начала XX в. сформировалась сложная система взаимоотношений между приходским духовенством и «внеконфессиональной частью приходской общины». Одним из важнейших элементов этой системы стал подкуп духовенства, способность «клириков одарить», позволявшие старообрядцам избегать преследований. Вопрос о дискуссиях между священниками и старообрядческими наставниками длительное время ставился крайне редко: все должны были решать исключительно административные меры.

Черты распада устоявшегося порядка приходской жизни проявились во временном прекращении сколько-нибудь заметных преследований старообрядцев начиная с 1760-х гг. В начале XIX в. был поставлен вопрос об учреждении «противораскольнической миссии» в Олонецкой епархии. В состав этого нового церковного органа входили специально подготовленные священники. Основными миссионерами в своих приходах были объявлены приходские иереи. Впервые началось внимательное изучение истории старообрядчества в Олонецкой епархии, проведены публичные диспуты с религиозными диссидентами. Все меры оказались малоэффективными. Старообрядцы смогли адаптироваться к новым условиям, используя как старый опыт конспирации, так и новые возможности, связанные прежде всего с ростом взаимосвязей приверженцев «древлего благочестия», живущих в разных концах Российской империи. В результате старообрядцы широко распространили свое влияние повсюду в Олонецкой епархии, охватив не поддающуюся точному учету часть паствы. После возобновления гонений на старообрядцев (примерно с 1820-х гг.) они вполне смогли приспособиться к этой непростой ситуации благодаря новым методам борьбы за выживание. Например, старообрядческие поселения возникли в Финляндии, где законодательство по вопросам вероисповедания отличалось большей либеральностью. В 1906 г. эпоха гонений на старообрядцев завершилась. Законодательство предоставило им свободу проповеди и разрешило создавать общины.

Логическим продолжением миссионерской работы православных священников в этих условиях стало комплексное, коллективное и непрерывное исследование религиозной жизни епархии с целью составления ежегодных отчетов. Традиционный, сложившийся в течение ряда веков порядок приходской жизни не предполагал такой работы. Его адепты стремились лишь контролировать текущую приходскую жизнь, опираясь на присылаемые из столицы инструкции, но при этом нередко шли на поводу у сложившихся в крае традиций. Теперь ситуация менялась. Основой для отчетов, составленных епархиальными архиереями и адресованных Синоду (они широко используются в данном исследовании), служили объемистые донесения благочинных и разнообразные данные из архива консистории. Обобщение всех этих сведений требовало серьезной аналитической работы и ориентировало как священников, так и духовные власти на исследование таких особенностей духовенства и паствы, которым прежде не уделялось никакого внимания. Сбор сведений для ежегодных отчетов стал мощным стимулом для совершенствования пастырской деятельности священников.

В изучаемый период в жизни церкви происходили существенные изменения, являющиеся частью реформ, осуществляемых центральной властью с целью модернизации общественного строя Российской империи. Прежде всего это великие реформы Александра II, самым непосредственным образом затронувшие приход. Введение казенного жалования должно было обеспечить духовенство новым источником доходов и, самое главное, сделать его более независимым от прихожан. В реальности это не привело к серьезным изменениям. Размеры жалования оказались небольшими и не избавили духовенство от повседневной униженной зависимости от прихожан. Все другие мероприятия, продиктованные столь же благими намерениями: создание церковно-приходских попечительств и братств, реформа церковно-учебных заведений, коснулись Олонецкой епархии самым незначительным образом или осуществились с большим опозданием. Вторая волна реформ затронула основы религиозной жизни и связана с внедрением веротерпимости. В период, предшествующий осуществлению этой реформы, по старообрядчеству наносились столь ощутимые удары, что представление свободы вероисповедания стало запоздалой мерой. Кроме того, у представителей власти сохранились возможности репрессивных мер за счет умелого обхода действующего законодательства.

Таким образом, к началу XIX в. в религиозной жизни Олонецкой епархии обозначились черты распада традиционных форм организации церковной жизни. В дальнейшем эти черты лишь усиливались. *Анализируя эту проблему, необходимо учитывать, что далеко не всегда понятие «распад» означает негативные изменения.* Именно в этот период деятельность священника начала приобретать новые позитивные черты. Стал реальностью постепенный отход от концентрации всех усилий служителей церкви исключительно на требоисполнении в ущерб богослужениям и проповеди, осуществлялась адаптация основ религиозной жизни к конкретным условиям Олонецкой епархии. Священники впервые начали получать серьезную и разностороннюю подготовку в семинарии, их обязанностью стало обстоятельное изучение паствы, ведение миссионерской работы. В целом распад традиционного уклада религиозной жизни выразился в откате от наиболее архаичных форм организации религиозной жизни. Но есть и другая сторона этого процесса. Новые явления в религиозной жизни подрывали одну из многовековых основ приходской жизни – свободную инициативу верующих людей, на смену которой приходил контроль и жесткие предписания со стороны ведомства православного вероисповедания. Это особенно отчетливо проявилось в новом порядке заполне-

ния вакансий в составе клира, организации исповеди. В некоторой мере изменения в устоявшихся взаимоотношениях верующих обусловливались хозяйственными условиями. В XIX в. исчезло относительное равенство финансовых возможностей прихожан, что не замедлило сказаться на религиозной жизни. Разбогатевшие купцы все чаще подменяли своими желаниями волю прихожан. Препрежнее единство прихода разрушалось, его традиционный уклад становился достоянием прошлого. Конечным итогом всех фатальных изменений стал кризис прихода, подготовивший его быстрый распад в первые годы советской власти.